

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Е.А. Болотова*Донской государственный**технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**bolotovaelena2008@rambler.ru***ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ)****[*Elena A. Bolotova* Language means of strengthening negation:
a pragmatic aspect (on the material of memoir texts)]**

The approach to the language from the point of view of its functioning, and not only reflectivity, is relevant and is in the trend of modern linguistics research. The topic of this article is also relevant thanks to investigating as one of the effective ways of influencing the reader possible language means of reinforcing denial in A. Konchalovsky's memoirs ("Low Truths" and "Raising Deception"), N. Berberova ("Italics mine"), I. Odovtseva ("On the banks of the Seine" and "On the banks of the Neva"), I. Ehrenburg ("People, years, life"), M. Osorgina ("Notes of an old book-eater. Memoirs"). The article also pays attention to the need to distinguish between double and reinforced negation, to the peculiarities of its use in expressive speech (opposition, contrast, amplifying lexical tools, etc.) and some other important things.

Key words: memoir text, pragmatics, linguistic means, expression of negation, strengthening the negation.

Одной из отличительных черт прагматики является тот факт, что в центре ее исследовательских интересов находится личность автора, адресата и она наиболее точно замечает разные изменения, которые с ней происходят в процессе коммуникации. Взяв за основу определение прагматики, данное Степановым Ю.С., как дисциплины, в которой текст это предмет динамики (дискурс) и он соотносится с «Эго» (главным субъектом) текста, то есть с тем человеком, который творит этот текст [11, с. 332], нельзя не отметить, что именно намерения говорящего определяют в речевом акте прагматическую функцию. Отрицание и оценка являются прагматическими категориями, использование которых в языке зависит от иллокутивных намерений адресата.

В литературе, в частности мемуарной, автор сознательно выбирает все используемые им языковые средства, в то время как при обмене мыслями в процессе живого общения выбор языковых средств происходит почти неосознанно. Автор в процессе написания своих мемуаров для того, чтобы донести до адресанта соответствующую иллокутивную установку стремится совершенствовать текст, свои высказывания, выбирая наилучшие, со своей точки зрения, языковые средства выражения. Необходимо отметить, что персонажи у каждого автора в текстах их мемуаров трактуются по-разному поскольку мемуаристы при написании обладали разным как историческим, так и жизненным материалом, и опытом.

Рассматривая прагматические аспекты отрицания, обычно акцент делают на понятиях пресуппозиции, когда значение высказывания модифицируется отрицанием, но в то же время не меняет его пресуппозицию. Категория отрицания может реализовываться как эксплицитно, так и имплицитно, путем лексикологизованных элементов. Многие лингвисты, поэтому отмечают различные функциональные характеристики отрицания, а также его структурно-семантические особенности [9; 10].

У А. Кончаловского заголовки его мемуаров «Низкие истины» и «Возвышающий обман» отражают основное содержание текста, а также авторское прагматическое отношение к этому содержанию. Лаконичность заглавия часто делает его семантически более емким, а категория отрицания при этом имеет комплексное значение и включает в себя одновременно двойную информацию и семантическую, и прагматическую. Авторы мемуаров, давая своим произведениям заглавия с философским обоснованием, придают заголовку активную воздействующую на читателей функцию, используя при этом общее и частное отрицание: *«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», - сказал Александр Сергеевич Пушкин. Что же такое – «низкие истины»? Они – то, что о себе знаешь, но что знать, а тем более от других слышать, неприятно... Никого еще не сажали в сумасшедший дом за «возвышающий обман» [3, с. 6].*

Серьезный анализ психологического и философского аспектов любого отрицания показывает, что специфика всех применяемых в текстах отрицательных форм – это отражение национального самобытного характера, национального менталитета людей, а также ряда других подобных явлений. Фразе-

ологизованные конструкции создают то, что возможно назвать «синтаксическая специфика» определенного языка и эти конструкции являются чрезвычайно важными при проявлении самобытности конкретной национальности.

Как справедливо отмечается в лингвистической литературе, при помощи различных средств отрицания и разнообразных способов его усиления, а именно за их счет, часто создается яркость, эмоциональность и экспрессивность текстов, в частности мемуарных [5]. Заметим, что здесь надо обязательно разграничивать и двойное, и усиленное отрицание. Известно, что при двойном отрицании может происходить погашение отрицания, высказывание становится утвердительным. Поэтому предложения, имеющие двойное общее отрицание, логически могут быть эквивалентны предложениям утвердительным.

Двойное отрицание – это явление наличия при главных членах предложения (общеотрицательного) или в составе сказуемого двух отрицаний. В результате этого появляется категорическое утверждение с разнообразными оттенками необходимости, неизбежности, долженствования, обязательности, происходит отрицание отрицанием. Проблема изучения двойного отрицания всегда вызывала особый интерес поскольку его можно рассматривать и как конструкцию, при использовании которой применяются два маркера негации, хотя в этом случае достаточно использовать один. В текстах мемуаров часто встречаются довольно разные и многочисленные случаи использования двойного отрицания.

Усилителями отрицания, например, в русском языке являются отрицательные наречия и местоимения. В отрицательном высказывании они несут основную коммуникативную нагрузку. В высказывании усиление отрицания достигается тогда, когда различные средства выражения отрицания непосредственно взаимодействуют с другими явлениями языка, а именно при помощи: введения усилительных частиц; специальных лексических единиц; союзов, союзных слов; нарушения порядка слов; особенной интонации; использования синтаксических повторов, фразеологизмов и т.п. Конструкции с разнообразным усилением отрицания всегда являются признаком, характерным для разговорной речи русского языка, но активно проникают в литературный язык.

Следует сказать, что большое количество отрицательных наречий и местоимений русского языка часто могут образовываться при участии частиц «не» и

повторяться вместе с частицей «ни». Такие частицы в настоящее время рассматриваются и в составе отрицательных наречий, и в составе местоимений как префиксы: *ничей, нечего, некого, никто, некому, незачем, некуда* и т.п.

В предложениях, представленных ниже, присутствует активный прием усиления отрицания с использованием отрицательных местоимений и наречий:

«Налогов в России никто не платит...» [3, с. 311]. «Я расспрашивал о нем у всех – и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично...» [8, с. 102]. Кроме того, в тексте одного и того же предложения могут быть использованы несколько разных отрицательных местоимений: «Никто ничего не собирался рушить, ни до основания, ни вообще» [4, с. 63]. «Теперь не те времена – никто не обидит и билета вам никакого не надо» [6, с. 6]. «Мне никто ничего не говорил» [4, с. 304].

Представляют интерес такие случаи усиления отрицания, когда в предложении отрицательные местоимения и наречия имеют обобщающее значение и указывают на то, что то или иное действие полностью отсутствует: «Ничто в этом мире не делается даром» [4, с. 324]. «Ничто, кроме поэзии, меня серьезно не интересовало» [7, с. 16].

В отрицательном предложении место повторяющейся частицы «ни», не всегда является постоянным: «Нельзя никого ни винить, ни хвалить за температуру воздуха, или за количество осадков...» [4, с. 311]. «Ни богатство, ни заслуги не помогли человеку войти в этот элитарный круг» [4, с. 322].

Иногда эта самостоятельно употребленная частица входит и в состав отрицательных местоименных слов: «У нас никогда не было никаких тайн – ни у нас с Сашей от мамы, ни у нее от нас» [4, с. 303].

Интересный и показательный пример усиленного отрицания могут представлять собой высказывания с восклицанием, имеющим различные оттенки: «Я ж еще ничего не снял!» (со значением уверенности) [4, с. 37]. «Ты ничего не можешь! Ни на что не похож!» (со значением обобщения) [4, с. 107]. «Но, чтобы это была уличная дверь, да еще с всегда начищенной, а не позеленевшей до безобразия бронзой – нет, это казалось немыслимым!» (со значением удивления, в какой-то мере возмущения) [4, с. 63].

Для усиления отрицания часто добавляется слово «ничего»: «Мне не нужно никаких курсов, ничего!» [4, с. 306]. «Но я ничего не слышу» [6, с. 54].

Безусловно следует отметить употребление повтора как одного из средств, используемых для достижения коммуникативно-прагматического эффекта, придающих высказыванию эмоциональность и интенсивно воздействующих на адресанта. Например, повтор отрицания «не» и «ни»: «*Вы должно быть не очень нервны и не очень чувствительны*» [6, с. 52]. «*Ни легкости, ни полета в них не было*» [6, с. 33]. «*Нет, я в тот первый день не чувствовала ни крыльев, ни возможности лететь*» [6, с. 52].

В русском языке слова с отрицательной семантикой повторяются, и часто это является активным способом усиления отрицания: «*Без опасности и риска для меня ни веселья, ни даже жизни нет*» [6, с. 81]. Если частица «даже» в русском языке находится перед частицей отрицания «не», она явно усиливает отрицательный текстовый смысл предложения: «*Даже не потому, что хорошо, а потому, что есть хоть какой-то смысл*» [4, с. 33]. «*Я подумал, если эта женщина в течение семнадцати лет даже не позволила мне узнать, что у нее от меня ребенок, мне уже не важно, чья это дочь*» [4, с. 306].

Усиливать отрицание могут также и наречия, не являющиеся полными синонимами и не всегда друг друга заменяющие «совсем», «весьма» и «во-все». Для примера заметим, что сначала наречие «весьма» обозначало «совсем». Затем значение изменилось на «очень»: *весьма нелегкой - очень нелегкой*: «*Но даже в голову не приходило спросить, как он справляется с тяготами походной жизни, в то время и в тех краях весьма нелегкой*» [7, с. 534].

Пример предложения с уверенным отрицанием чего-либо: «*Пробовал осторожно возразить, что в те времена... города Ленинграда не было, но он с твердостью заметил, что по-буржуазному выразиться вовсе не намерен и ... того уже не вернешь*» [8, с. 122].

«Нет совсем» или «совсем нет» имеет значение абсолютного отрицания: «*Он сидит молча, с напряженно-беспокойным видом путешественника, ждущего на вокзале пересадки, и явно чувствует себя здесь совсем не на своем месте. «Нет, совсем не таким я представляла себе "принца фиалок"»* [7, с. 5].

Отрицание «нет», относящееся к ранее происшедшему может повторяться несколько раз в самом начале любого предложения в тексте, при этом не обязательно входить в состав именно этого отрицательного предложения и являться отрицательным ответом на какой-то вопрос: «*Нет, нет, я все-таки человек, не очень для вас подходящий*» [4, с. 189].

В некоторых случаях средством усиления отрицания является линейная позиция с выраженным отрицанием, то есть отрицание может занимать первое место в предложении, независимо от того, общее оно или частное: «Не укладывается в голове!» [4, с. 324]. «Нет ничего изобретательней фантазии ревности» [4, с. 332]. Здесь следует отметить, что «Нет ничего...» имеет обобщенное значение и при таком порядке слов высказыванию придается четкое значение твердой уверенности в истинности того, что сказано, и в данном случае налицо значение полного категорического отрицания.

Нередки случаи того, что отрицательные значения определенных синтаксических конструкций выражаются только интонационно. При этом чтобы выразить или подчеркнуть отрицание не используют никаких словообразовательных средств: ни морфологических, ни лексических. Интонация любого высказывания при определенном порядке слов всегда может служить средством для имплицитного выражения экспрессивного отрицания, в частности в составе устойчивого выражения, сочетания: «Но он знал столько того, о чем я не имел представления!» [4, с. 21]. «Какое счастье, что не видишь себя сзади!» [7, с. 7].

Иногда в самом конце предложения может присутствовать добавленное частное отрицание, которое также служит для усиления значимости общего отрицания: например, «Она не сказала ни слова...» [4, с. 338]. Или: «Наконец покончу с этим проклятым разводом, и тогда – ни одной сигареты!» [4, с. 10]. На основании проведенного анализа можно отметить, что в мемуарах значение отрицания может быть усилено стилистическими и лексикограмматическими средствами.

Рассмотрим еще ряд предложений из мемуарных текстов: «Издатели во всех странах теперь говорят: «Книги о войне не идут... Одни уже не помнят, другие не хотят узнать о минувшем»» [12, с. 5]. «Ни звери, ни скоты наук не разумеют, ни рыбы, ни гады читати не умеют. Не спорят о стихах между собою мухи и все летающие духи...» [8, с. 55]. «Но поскольку я не крал у него форму сценария, а лишь черпал вдохновение, музыку души, то мысль о плагиате никому не приходила в голову» [4, с. 45]. «Всего, что знал о происходящем, он сказать не мог, но видно было, что оно его не радует. Может быть, Эдик сам это делал – не по своему желанию, конечно» [4, с. 55]. Наличие в них сопоставления, антитезы придает им утвердитель-

ный смысл и их можно рассматривать как эмфатические высказывания. Подобные конструкции, выполняющие функции речевого воздействия рассматриваются в описаниях прагматической функции негопозитивности. Мысль «никому не приходила в голову» равнозначна «отсутствовала», а «не радуется» равнозначно «огорчает».

В вышеприведенных отрицательных предложениях видно, что они различны по способам выражения модальных значений и это является основанием того, чтобы противопоставлять их утвердительным предложениям. В некоторых случаях прагматический смысловой аспект играет сопутствующую роль, и он может сопровождать главную информацию, например: «*Нищая, глупая, вонючая, ничтожная, никому не нужная, несчастная, подлая, все растерявшая, измученная, голодная русская эмиграция (к которой принадлежу и я)!*» [1, с. 541].

Таким образом, прагматический аспект отрицательных высказываний в языке А. Кончаловского, Н. Берберовой, И. Одоевцевой, И. Эренбурга, М. Осоргина представляет собой довольно интересное, но сравнительно малоизученное явление в функционально-прагматическом плане и особенно важно при исследовании текстов мемуарной литературы. Поэтому из-за прагматической загруженности и важного потенциала отрицания при использовании в экспрессивной речи (противопоставление, контраст, усилительные лексические средства и др.), тексты мемуаров оказываются интересными и актуальными объектами для лингвопрагматических исследований. Изучение и анализ языка текстов мемуарной литературы заслуживает внимания лингвистов как в целом, так и, в частности, в плане рассмотрения отрицания как понятийной и языковой категорий прагматики.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1999.
2. Былкова С.В. Русские синтаксические конструкции как средство фатического общения. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. РГПУ, Ростов-на-Дону, 2005.
3. Кончаловский А. Низкие истины. М.: Коллекция Совершенно секретно, 1998.

4. *Кончаловский А.* Возвышающий обман. М.: Коллекция Совершенно секретно, 1999.
5. *Нечай Ю., Губенко Н.* Экспрессивность утверждения-отрицания: Языковые средства выражения в художественном тексте // Монография. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
6. *Одоевцева И.В.* На берегах Невы. М.: Захаров, 2005.
7. *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М.: Захаров, 2005.
8. *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М.: Интелвак, 2007.
9. *Прокофьева О.А.* Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2002.
10. *Селина Н.П.* Структурно-семантические и функциональные особенности слова только в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
11. *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН СССР / Серия литературы и языка. Т. 40. №4. 1981.
12. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Том 1. М.: Советский писатель, 1990.

R E F E R E N C E S

1. *Berberova N.N.* Italic mine. Autobiography. M.: Soglasie, 1999.
2. *Bylkova S.V.* Russian syntactic constructions as a means of phatic communication. Thesis abstract. RSPU, Rostov-on-Don, 2005.
3. *Konchalovsky A.* Low truths. M.: Collection Top Secret, 1998.
4. *Konchalovsky A.* Raising Deception. M.: Collection Top Secret, 1999.
5. *Nechay Yu., Gubenko N.* Expressiveness of affirmation-negation: Language means of expression in an artistic text // Monograph. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
6. *Odoevtseva I.V.* On the banks of the Neva. M.: Zakharov, 2005.
7. *Odoevtseva I.V.* On the banks of the Seine. M.: Zakharov, 2005.
8. *Osorgin M.* Notes of the Old Bookworm. Memories. M.: Intelvak, 2007.

9. *Prokofieva O.A.* Functional and semantic features of the category of negation in modern English. Thesis. Pyatigorsk, 2002.
10. *Selina N.P.* Structural, semantic and functional features of the word only in modern Russian. Thesis. Stavropol, 2003.
11. *Stepanov Yu.S.* In Search of Pragmatics (Problem of the Subject) // News of the Academy of Sciences of the USSR / Series of Literature and Language. Vol. 40. No 4. 1981.
12. *Ehrenburg I.* People, years, life. Vol. 1. M.: Soviet writer, 1990.

25 февраля 2019 г.
